

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212394-405>

Исследовательская статья

Капустина Екатерина Леонидовна

к.и.н., в.н.с. отдела этнографии Кавказа,

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия

parlel@mail.ru

РЕЖИМЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКИ В МИГРАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДАГЕСТАНА

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть зоны неопределенности и риска в жизни мигрантов из Дагестана на примере долговременной миграции в арктическую зону Западной Сибири. В центре внимания вопрос: как мигранты оперируют различными режимами неопределенности и риска в миграции именно в контексте социокультурной специфики отправляющего общества. В статье рассматривается пример амбивалентности фактора неопределенности в контексте транслокальной временности мигрантского быта, функционирования социальных сетей. В результате рассмотрения данного миграционного кейса можно сделать несколько выводов. Во-первых, стоит признать, что транслокальность как теоретический подход не должна восприниматься как жесткая непроницаемая схема: в контексте долговременной миграции так или иначе начинает происходить уменьшение компетенции трансмигрантов относительно социокультурной и экономической жизни отправляющего региона, что повышает уровень неопределенности в их транслокальной жизни. В результате неопределенной может стать не только жизнь в принимающем обществе (общепринятая в миграционных исследованиях точка зрения), но и в отправляющем. Во-вторых, мигрантские социальные сети могут не только снижать чувство неопределенности у мигранта, но и порождать зону неопределенности, снижающую его компетенции. В-третьих, транслокальная жизнь в двух мирах – это всегда вызов для идентичности человека в условиях удвоения жизни. Этот аспект неопределенности был рассмотрен на примере восприятия дома у транслокального мигранта-северянина. Помимо выявленных зон неопределенности, которые появляются в ситуации транслокальности, была рассмотрена такая социокультурная специфика дагестанского общества как стремление к риску, что может быть определено как в целом поощряемая стратегия удальца. В этой ситуации миграция как рискованное предприятие может восприниматься как желаемое действие для мужчины-мигранта. В основу статьи легли полевые материалы автора, собранные в ходе работы в Ямало-Ненецком автономном округе (далее ЯНАО) и Ханты-Мансийском автономном округе (далее ХМАО), а также в Республике Дагестан с 2014 по 2024 г.

Ключевые слова: миграция; неопределенность; риск; транслокальность; Западная Сибирь; Дагестан

Для цитирования: Капустина Е.Л. Режимы неопределенности и риски в миграции: социокультурная специфика Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 2. С. 394-405. doi.org/10.32653/CH212394-405

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212394-405>

Research paper

Ekaterina L. Kapustina

Leading Researcher at Dep. of Ethnography of the Caucasus

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, St. Petersburg, Russia

parlel@mail.ru

UNCERTAINTY AND RISK IN TRANSLOCAL MIGRATION: SOCIO-CULTURAL SPECIFICITIES OF DAGESTAN

Abstract. This study examines zones of uncertainty and risk in the lives of long-term migrants from Dagestan to the Arctic and Sub-Arctic zones of Western Siberia, focusing on how migrants navigate diverse regimes of uncertainty and risk within the socio-cultural context of their sending society. It explores the ambivalence of uncertainty in the framework of translocal temporality and the role of social networks in migrant life. The analysis yields three key findings. First, translocality, as a theoretical framework, should not be viewed as a rigid construct; over time, long-term migration leads to a decline in migrants' socio-cultural and economic competence in the sending region, thereby increasing uncertainty in their translocal existence. This suggests that uncertainty is not confined to the receiving society, as commonly emphasized in migration studies, but also affects the sending society. Second, while migrant social networks can mitigate feelings of uncertainty, they may also generate zones of uncertainty that diminish migrants' competence. Third, translocal life, spanning two worlds, poses significant challenges to migrants' identity and their relationships with fundamental aspects of life, which often become bifurcated. This uncertainty is illustrated through migrants' perceptions of "home" in the northern context. Additionally, the study highlights a socio-cultural trait of Dagestani society: a propensity for risk-taking, often socially encouraged as a "daredevil" strategy, particularly among male migrants, framing migration as a desirable, high-risk endeavor. The findings draw on the author's ethnographic fieldwork conducted in the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrugs, as well as the Republic of Dagestan, between 2014 and 2024.

Keywords: migration; uncertainty; risk; translocality; Western Siberia; Dagestan

For citation: E.L. Kapustina. Uncertainty regimes and risks in migration: the sociocultural specificity of Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 2. P. 394-405. doi.org/10.32653/CH212394-405

Светлой памяти Раисат

Миграция имеет амбивалентное значение для семьи, члены которой уезжают на заработки из родного региона в другой, в данном случае, из Республики Дагестан в арктическую часть Западной Сибири. С одной стороны, это способ уйти от бедности и безработицы дома, а также решение ряда социальных задач, встающих перед уехавшими в миграцию, с другой – рискованное предприятие в условиях прекарности, дискриминации и других вызовов жизни в миграции.

Общепринятым считается тот факт, что риск и неопределенность – неотъемлемая часть, хотя и в разной степени, всех форм миграции, будь то вынужденная миграция или добровольная, регулярная или нерегулярная, и могут быть проявлены на всех этапах миграционного цикла. «Даже мигрант, переезжающий на заранее согласованную работу, который получил информацию о жилье и других расходах от социальных контактов в месте назначения, сталкивается с элементами неопределенности; например, как он(а) адаптируется к новым рабочим и социальным условиям. Степень неопределенности по сравнению с риском обязательно варьируется в пространстве и времени, а возможно, и в течение цикла миграции» [1]. Одни исследователи чаще обращают внимание на то, что миграция порождает риски для участников перемещения и внушает им чувство неопределенности [2], другие акцентируют внимание на том, что мигранты могут нести риски в принимающие общества и повышать уровень неопределенности в них. Часто эту точку зрения принимают политики, СМИ и публичные лидеры, что может приводить к мигрантофобии. Однако вместе с этим процесс миграции может рассматриваться и как уход от рисков и неопределенности, когда и то, и другое ожидает людей в случае не-миграции. В этом случае речь не обязательно будет идти о репрессиях и вооруженных конфликтах, а также бедственном экономическом, климатическом, экологическом положении на родине мигранта. Иногда дело в соотношении выгод и рисков в ситуациях миграции и не-миграции: в зависимости от теории оценивает миграционные риски либо рациональный экономический актор-индивид, либо домохозяйство, диверсифицирующее затраты и доходы, либо этому способствуют общественные процессы [3; 4]. Также порой речь идет о выборе оптимальной стратегии с учетом этих рисков, ведь «не-миграция также не свободна от риска/неопределенности, но представляет собой другой набор проблем» [1].

В целом, можно отметить, что большая часть крупных теорий миграции упоминают проблему неопределенности и рисков в ситуации миграции. Однако, по мнению, Э. Уильямса и В. Балажа, пытавшихся определить то, как теоретически осмысляются понятия риска и неопределенности применительно к миграционной тематике, ни одна из теорий не дает четкой концептуализации этих понятий в нужном контексте. Авторы отмечают, что неопределенность в миграции имеет два источника. Первый – несовершенные знания о текущих условиях как в месте происхождения, так и в возможных местах назначения. Второй – непредсказуемость будущего. Миграция связана с ожиданиями риска, сформированными в условиях частичного знания, то есть неопределенности. Это можно определить как континуум знаний и неопределенности или риска и неопределенности, который является изменчивым для людей, движущихся в обоих направлениях вдоль континуума с точки зрения личного понимания ограничений знаний [1].

Неопределенность в миграции также часто связана с нелегальностью и депортируемостью [5; 6; 7]. Однако неопределенность не всегда является вынужденной, навязанной проблемами с легальностью статуса, произволом работодателей или другими возможными проблемами мигрантов, она может быть осознанно выбранной стратегией и даже таить в себе некоторые бонусы и преимущества. Миграция может генерировать риск, информировать о риске и смягчать риск [1], однако при этом риски не всегда рассматриваются негативно, как издержки [8]. Именно эта амбивалентность неопределенности в миграции и будет, в том числе, интересовать меня в данной работе.

Особенность миграции дагестанцев в арктический и субарктический регионы Западной Сибири

Трудовая миграция из Республики Дагестан в города ХМАО и ЯНАО – достаточно значимое социальное явление как для региона-донора, так и для региона-реципиента. Массовый приезд

выходцев с Дагестана начался с середины 1990-х годов и значительно возрос в начале XXI в., став одним из самых популярных направлений трудовой миграции из республики.

Миграция между Дагестаном и городами ХМАО и ЯНАО, по моему мнению, имеет транслокальный характер, то есть мигранты развивают и поддерживают множественные формы отношений и строят свои публичные идентичности одновременно и равнозначно и в отправляющем, и в принимающем обществах [9; 10]. Дагестанцы-трансмигранты постоянно перемещаются между севером и Дагестаном, сохраняют активные экономические, социальные и репутационные активности и там, и там, для них важны постоянные физические и символические транзакции разного рода между двумя локальностями, что и делает рассматриваемый миграционный кейс транслокальным (подробнее об этом см. [11; 12]).

Следует отметить важную характеристику долговременной миграции на север, характерную для всех приезжающих на работу – долговременная кратковременность, когда первоначальные планы мигрантов – остаться в регионе максимум на несколько лет, сменяются практикой жизни в Арктике десятилетиями [13]. Выходцы из Дагестана – не исключение. Большая часть информантов рассказывает, что изначально они планировали выехать на работу на год или несколько, как правило, для решения конкретных экономических задач (строительство дома, проведение значимых семейных ритуалов, траты на обучение детей и т.п.) и не собирались «оседать» на севере на долгое время. Однако при этом многие задержались в регионе на десятки лет, обзавелись жильем в собственности (в том числе и в ипотеку), перевезли семьи. Данный характер миграции оказывает большое влияние на социокультурные процессы, значимые для мигрантов.

В данной статье предлагается рассмотреть зоны неопределенности и риска в жизни мигрантов из Дагестана на примере долговременной транслокальной миграции в арктическую зону Западной Сибири. В центре внимания будет амбивалентность режимов неопределенности и рисков в миграции. В частности, интерес представляет то, как и где транслокальная природа данной миграции может порождать неопределенность, как мигранты встречаются с неопределенностью и как проживают ее в контексте социокультурной специфики своего отправляющего общества и личного миграционного опыта (на примере мигрантского быта и функционирования социальных сетей). В статье также будет уделено внимание определению социокультурной специфики восприятия риска сквозь призму опыта миграции в Арктику.

В основу статьи легли полевые материалы автора, собранные в ходе работы в ЯНАО и ХМАО, а также в Республике Дагестан с 2014 по 2024 г. Данный текст есть результат моей рефлексии на тему неопределенности в миграции, обобщенный на основании многолетней работы с выходцами из Дагестана, выезжающими в Западную Сибирь в долговременную миграцию, поэтому в статье использованы материалы разных лет, интервью и наблюдения, которые изначально были собраны при работе с другими темами как в принимающем мигрантов обществе, так и в отправляющем. Основные примеры взяты были из лонгитюдного исследования транслокальной миграции дагестанцев в ХМАО и ЯНАО, когда у меня была возможность наблюдать за жизнью нескольких семей на протяжении 5-10 лет. Такой подход к выбору материала для данного текста несет в себе определенную уязвимость для критики, ведь большая часть использованных интервью было собрано не специально по теме неопределенности в миграции. Однако отсутствие фокусировки на этой теме в ходе проведения беседы и анализ интервью прошлых лет позволяет вычленить моменты напряжения, которые авторы транслируют без попытки интервьюера направить их размышления в сторону такой неоднозначной и часто непроговариваемой прямо категории как неопределенность. В этой статье я предлагаю посмотреть на категорию неопределенности через несколько тематических блоков, в которых она может быть проявлена.

Еще раз о доме и миграции: напряжение/облегчение

Долговременное наблюдение за мигрантами из Дагестана в нефтегазовых городах ХМАО и ЯНАО позволило посмотреть детально на то, как выглядит и как осмысливается жилье в миграции и дом на малой родине. Символичность дома в отправляющем сообществе часто отмечается в исследованиях [14], тогда как жилье в миграции порой определяется как пересборка дома в отправляющем сообществе [15], или даже безликое пристанище, где неважны уют и детали, где главное – функциональность и близость к работе [16].

В долговременной миграции все не так однозначно. С одной стороны, мои информанты, изначально приезжая на север ненадолго и используя съемное жилье, затем, как правило, стремятся к покупке

своей квартиры в арктическом городе. Они обустривают его в качестве основного места жительства на манер типичного дагестанского дома/квартиры, вкладываются в отделку, привозят мебель и аксессуары из Дагестана. В случае, если семья остается жить на съёмном жилье, оно, как правило, долговременное и также модифицируется под нужды и вкусы жильцов. Таким образом, жилье на севере становится квазидагестанским по облику (см. подробнее [17]). Казалось бы, превышающие необходимость в миграции затраты на обустройство северных квартир, заключающиеся в использовании трансферов мебели и утвари с малой родины, можно объяснить, с одной стороны, возможностью вывезти всю мебель обратно, когда мигранты решат вернуться в регион отправления, как они и декларируют во всех интервью. С другой стороны, происходит копирование образа дома на родине (пусть и собирательного дома мечты, т.к. большая часть моих информантов уехала на заработки, мечтая накопить на дом, и далеко не у всех этот дом в итоге был построен).

Транслокальный образ жизни, когда у мигрантов два и более дома, определяет то, что они, временно проживая в принимающем обществе, предпринимают активные действия или хотя бы имеют намерения построить дом мечты в отправляющем обществе, и, в связи с этим, зачастую провоцирует рефлексию людей, его практикующих, на тему: где мой дом?¹ В интервью можно было услышать сетование на сложности восприятия дома, когда один, в котором почти постоянно живет семья на севере, ни при каких обстоятельствах не станет родовым гнездом, а тот, который столько лет упорно строят в родном селе, постепенно может приходить в упадок и выходить из моды, да и во время отпуска на малой родине его приходится делить с родственниками или квартирантами, присматривающими за ним, пока хозяева в миграции.

Р. находилась в миграции в небольшом городе Сургутского района с начала 1980-х, в конце 1990-х предпринимала попытку возвратной миграции и переехала с семьей в родное селение мужа, а затем вернулась обратно в ХМАО, где и прожила всю оставшуюся жизнь. Уехав в миграцию по стандартной причине – желая поправить благосостояние семьи и найти деньги для строительства дома, ее семья в итоге строила его на протяжении десятилетий, предвкушая его окончание и, одновременно с этим переживая его устаревание и неясность назначения, поскольку никто не мог понять, кто именно будет в итоге в нем жить. *«Мы с 1989 года начали строиться, ... мы до сих пор не можем достроить, на два места жить очень тяжело, и там, и тут, никак не получается»* (Р., ж 53, Пыть-Ях 2015).

Другая моя информантка Э., имеющая 20-летний опыт жизни в миграции в ЯНАО, отмечала, что хотя она считает своим домом квартиру в Новом Уренгое. Тем не менее, она признается, что там не может позволить себе те атрибуты дома, которые для нее так символически важны – например, сервиз по ее вкусу. По ее словам, она непременно купит его себе – когда вернется в Дагестан и обретет там свой окончательный дом. А пока она вынуждена соглашаться на временные варианты и покупать тарелки с сугубо утилитарной целью – когда старые разбились.

Дом как важнейший символический концепт в дагестанском обществе в условиях транслокальности раздваивается, становится где-то временным, где-то призрачным, что порождает неопределенность, проговариваемую в интервью. Однако эта неопределенность, с одной стороны, будучи проблемой, также, с другой стороны, снимает напряжение в социокультурной системе и позволяет мигрантам избежать фрустрации от несовершенства своих обоих домов с точки зрения значимого для них сообщества. Временность пребывания на севере дает дагестанцам возможность не приводить дом в месте миграции к высоким стандартам дагестанского жилья среднего достатка. Недоделки ремонта и простота убранства порой комментируются именно как позволительный на севере вариант снижения стандарта. Как правило, информанты, описывая простоту (обязательно в сравнении с прихотливостью и дороговизной обустройства дома в родном селе), говорят, что ориентируются на местные северные стандарты, которые сильно уступают по требованиям от дагестанских при соответствующем уровне доходов.

Э.: *«Мы многие годы, даже когда капиталки квартиры получили, жили здесь временно. Мы всё время думали: мы отсюда уедем. Мы, обзаводиться мебелью начали здесь люди с 99-ых годов, с 97-ых годов».*

А.: *Ну все же как будто временно.*

Э.: *Потому что все как будто вот жили, вот временно жили. Да и газетами надо обклеить. Мы приехали сюда, когда в любом доме зайдешь, вручную сделанные там побитые эти, тахта здесь. Русские, не русские, у любого. Мебель, кухонная мебель, она какая-то собранная из несучразных досок. Это потом здесь мебельные магазины появились, всё остальное. И здесь народ жил. И посмотрев на этот тулуп на женщине или там на газету (на стенах – авт.), ты не скажешь, что она бедная, потому что у нее денег очень много. У нее может быть там в Москве, в Подмоскowie квартира,*

1. Подробнее об этом см. [12].

на земле (в Дагестане – авт.) дома.

А: Ну все, так просто проще.

Э.: Она здесь просто временно живет» (Э, ж46, А ж42, Новый Уренгой, 2021).

Э., планирующая купить сервиз мечты после возвращения в Дагестан, отмечала, что может позволить себе не менять занавески и не заканчивать оформление дверных наличников по несколько лет – и это никак не тревожит ее в Новом Уренгое, как могло тревожить ее односельчанок в родном селении. Она отмечает, что ее родственницы в селении вынуждены соблюдать стандарты моды на убранство дома, часто менять мебель, посуду, занавески, чаще делать ремонт, опасаясь осуждения односельчан. Ее северный статус и временность пребывания в Новом Уренгое страхуют ее от таких хлопот.

Отмечая, что ее стандарты домашнего уюта и красоты несколько упростились, Э. говорит: «Мы уже немножко обрусели». Концепт «обрусения» используется в интервью многими, когда надо показать изменения, произошедшие с мигрантами-дагестанцами. Это понятие, по моим данным, связано не столько непосредственно с русской культурой, сколько с утратой своих специфических локальных социокультурных элементов и заменой их на местные стандарты, характерные для жизни мультиэтнического общества арктических промышленных городов.

Таким образом, можно отметить, что в ситуации существования двойного или даже множественного дома в транслокальной семье накапливается напряжение от неопределенного статуса обоих объектов – и мигрантской квартиры, и дома в селении, как экономическое, так и психологическое. Однако вместе с этим временность мигрантского жилья позволяет легче пережить упрощение образа дома, объяснить его и найти в этом возможность для снятия напряжения, продиктованного социокультурными нормами отправляющего сообщества.

Социальные сети: спасают от неопределенности – создают неопределенность

Человек в миграции нередко прибегает к помощи социальных сетей, доставшихся ему из отправляющего сообщества, чтобы решить многие вопросы с трудоустройством, поиском жилья, безопасностью, организацией досуга и т.д. [18; 19; 20]. Решение мигрировать перед лицом риска и неопределенности также зависит от идентификации с членами группы [21]. Именно наличие мигрантских сетей не только уменьшает мигранту «плату за вход» в миграцию, но и становится причиной миграции именно в это место. Миграцию можно понимать как форму приобретения знаний [22], что, как утверждает, снижает риск/неопределенность при будущей повторной миграции и повышает устойчивость к риску [23]. Поэтому вполне логично, что социальные сети отчасти нивелируют проблему неопределенности, заполняя для мигранта лакуны в знаниях, предоставляя некоторые гарантии, а подчас и полностью обустроявая на новом месте.

Однако эти знания, предоставляемые мигрантскими сетями, все равно не всеобъемлющие, а информация, которая по ним передается, может искажаться, в том числе и по вине этих сетей.

Например, мигранты, приезжающие на север и тратящие много денег в течение месяца отпуска в отправляющем месте, осознанно или неосознанно подпитывают миф о «хорошо живущих» северянах. Мои информантки со смехом рассказывали о женах некоторых мигрантов, которые переезжают в арктический город, сталкиваются с довольно скромным бытом северян и уезжают в Дагестан со словами «У меня обустроенный дом в селении, я предпочитаю жить там, не ожидала, что вы так плохо живете».

Еще более курьезный случай произошел с информанткой С., которая после развода с мужем решила отправиться на заработки туда, куда уже давно ездят многие ее односельчане – «в Тюмень». Только когда она со всеми доехала на поезде до Тюмени, она с удивлением узнала, что в этом городе люди делают лишь пересадку и продолжают путь дальше на север, в частности, в Новый Уренгой. Дело в том, что жители ЯНАО привыкли говорить «я еду в Тюмень», имея в виду не город, а всю огромную Тюменскую область, куда входят ХМАО и ЯНАО. В частности, все родные и соседи С. работали именно в Новом Уренгое, но использовали эту привычную топонимическую конструкцию. Моя информантка же настолько доверяла социальным сетям односельчан, что даже не удосужилась уточнить – куда именно она едет на заработки. В результате, абстрактное «едем в Тюмень» и было в ее представлении конечным пунктом миграции.

Эта ситуация не уникальна и скорее связана не с индивидуальной невнимательностью инфор-

мантки, а с силой авторитета источника знаний, которым для нее стало мигрантское сообщество односельчан. Это подтверждается и другими исследованиями. Например, Тверски и Фокс пишут, что индивидуальные предпочтения и принятие решений зависят от «предпочтения источника»: мигрант может мигрировать в страну А, а не в страну В, хотя в первой больше риска безработицы, поскольку источником знаний о таких рисках является надежный друг [24]. В ситуации неопределенности доверие, рождающееся в группе (например, в сельском сообществе или родственной группе), становится важнее безликой информации, то есть «доверие начинается там, где заканчивается знание» [25: 462].

Снижение компетенций в отправляющем обществе

Транснационализм – это хорошая объяснительная модель для такого миграционного кейса как долгосрочная миграция из Дагестана в нефтегазовые центры арктической и субарктической зон Западной Сибири. Но не стоит забывать, что это, прежде всего, модель, схема, которая не может быть идеально работающей в реальной жизни.

Долгосрочная миграция в транслокальном варианте делает возможным поддержание связей и жизни в двух местах, однако в плане неопределенности оба места могут восприниматься неоднозначно. И, хотя всеми информантами, в целом, подчеркивается значимость отправляющего общества, тем не менее, большой стаж жизни в новом месте, привычки и изменения, воспринятые в миграции, коррелируют с амбивалентным чувством по отношению к нему. С одной стороны, транслокальные мигранты очень плотно вписаны в экономическую, политическую, социальную и культурную жизнь отправляющего общества, образуя транслокальное сообщество с немигрантами села². Транслокальное социальное пространство дает мигрантам связанность всем элементов жизни в единое целое, однако эта связанность дискретна и наиболее актуальна в самых значимых элементах жизни. Мигранты-северяне интегрированы в различные варианты социальных взаимодействий в селении, могут пользоваться связями и репутационными ресурсами. И, тем не менее, в интервью появляются упоминания о том, что постепенно истончается плотный контакт с отправляющим местом. Компетенции о социальной и культурной жизни в селении в результате длительной, хотя и транслокальной по типу миграции, уменьшаются. Это привносит в жизнь трансмигрантов неопределенность, связанную с появившейся некомпетентностью, которая, в свою очередь, может создавать напряжение в транслокальной социальной системе.

Потеря навыков в социокультурной жизни отправляющего общества происходит, в частности, в области повседневных ритуалов, которые постоянно исполняются в селении и со временем могут трансформироваться под влиянием различных факторов. Мигранты, большую часть года проводящие вне села, через различные каналы получающие всю основную информацию о жизни сообщества и не выпадающие из общей канвы сельской жизни (что и делает их трансмигрантами), тем не менее, могут упускать множество деталей.

В качестве примера такой ситуации приведу отрывок из интервью:

Э: А мы были в отпуске там (в Дагестане). Забегает золовка моя, а мы у свекрови были, а ее одноклассник умер. И она плачет. Я говорю: “Ну чего случилось?” Она говорит: “Артур погиб”. Я говорю: “Как погиб?” – “Вот так, вот так, еще ничего не ясно”. Говорит: “Сейчас, – говорит, – его отправляют будут” (из Нового Уренгоя в Дагестан – авт.). Через забор его жена, только родила, три месяца ребенку, третьего ребенка. Мать, отец умер у них еще давно. ... Это же еще сказать нужно. Получается, имам села, все собрались, пришли домой и сказали им. И вот сказали, и его жена там в обморок упала. Деверь младший поднял ее, домой занес. И я в это время, я растерялась. Я не знаю, например, это же не мой дом, я уже обрусела чуть-чуть в этом плане. Вот получается как бы, моя проблема (ответственность – авт.), что ли, была. Я, мне как бы стыдно было за себя. И тут у меня вот так вот, младшая вот так, получается, деверя жена, она вот так вот начинает чего-то делать по двору. А золовка вот так вот открывает двери их дома, да, и начинает выносить кровать, там управлять мужиками, кровати вынесите, занавески... Уже когда она начала делать, я врубилась, начала занавески снимать, их постирать чтобы, потому что они же пыльные, да. Вот снимать там, где-то лезть, например, там. Да, где-то если побелить – надо белить. Побегала младшая невестка, она эмульсию, всё привезла.

Соб.: А зачем белить?

2. Подробнее об этом см. [11, 12].

Э. Например, этот... она жена, жила в двух комнатах, а та с детьми, вот в этих комнатах же никто. А две-три комнаты, они были закрыты, и там, получается, особо ими не пользовались в большом доме. И там этот, краска, это же люди на соболезнование ходят, чтобы стыдно не было. Тут как Ураза-байрам и похороны, всё должно быть идеально, потому что приходят там соседи. И вот они, знаете, вот так вот... мы красим, белим. Человек умер, там чего-то взрослые занимаются, мы за это время успели в идеальный порядок дом привести, да (Э, ж46, Новый Уренгой, 2021).

Этот пример показывает, что, хотя все основные знания о похоронной обрядности и о поведении во время подготовки процедуры выражения соболезнования у Э. были, она не смогла быстро определить – какие действия необходимы именно в такой ситуации. Здесь следует отметить, что всех умерших в миграции сообщество через разные каналы взаимопомощи оперативно отправляет хоронить в Дагестан, с покойным в республику с севера уезжают самые близкие и чаще мужчины, поэтому у Э., приезжающей в селение на пару месяцев в году, было мало шансов часто попадать на подобные мероприятия и ее компетентность значительно снизилась. Произошло это также и по причине того, что она уехала в миграцию будучи молодой девушкой, которой в силу возраста и семейного положения не нужно было активно участвовать в похоронных ритуалах. Теперь, будучи женщиной среднего возраста, она не приобрела нужные ее возрасту и статусу компетенции и попала в ситуацию ритуальной неопределенности.

Такой же конфуз ждал ее при проведении обряда сватовства ее сына, когда она не совершила необходимый ритуал – не сняла платок с невесты. Она объясняла это тем, что в годы ее молодости такой обряд был не распространен, а затем в течение 20 лет в миграции она присутствовала лишь на 2 обрядах сватовства, где также не исполняли этот обряд. Впоследствии члены сельского сообщества указали ей на ее оплошность, а она повинилась в своей некомпетентности.

Помимо потери навыков в ритуальной сфере мигранты-северяне теряют их и в экономической жизни отправляющего общества. Поскольку они многие годы вели свою экономическую жизнь в миграции, территория отправляющего региона могла восприниматься как непонятная, что также может быть определено как зона неопределенности.

М. Мне просто реально нравится, потому что здесь (в Новом Уренгое – авт.) очень компактный город и как бы проще простого. Я знаю, что я пошел на работу, я знаю, что я эти деньги заработаю, ну, а в Махачкале, где я работал, у меня вот отсюда заходила зарплата, отсюда выходила, и непонятно куда (М., м38, Новый Уренгой, 2021).

Контрастно понятным в данном случае может выступать северный регион, который не только знаком из-за многих лет опыта работы здесь, но и в целом воспринимается дагестанскими мигрантами как территория порядка и закона по сравнению с более коррумпированной и хаотичной малой родиной. Север выступает как регулярный, предсказуемый, территория законности в противовес, по мнению информантов, Дагестану как территории хаоса, неявных правил игры, рискованного места. Это также не только и не столько характеристика местного социального пространства, но и характеристика компетенций мигранта, который утрачивает навык жизни в Дагестане. Например, общим местом в интервью с долговременными мигрантами с нефтегазового севера будет сетование, что им сложно устроиться на работу в отправляющем обществе (и фактически сделать миграцию возвратной), т.к. правила игры непрозрачны. В результате происходит возвратность возвратной миграции [26], и бывшие северяне возвращаются на север.

Хаос и большая толерантность к риску, характерная для Дагестана в восприятии мигранта, может приводить и к утрате навыков жизни в таком высокорисковом обществе. Характерный пример, неоднократно встречавшийся в интервью с дагестанцами-северянами, – невозможность больше ездить на машинах по дорогам Махачкалы, т.к. мигранты привыкли ездить на севере (и в целом «в России») по правилам. Информанты отмечали, что после ряда лет жизни на севере они боятся ездить в Дагестане. Следует отметить, что в республике рискованная езда, как, к примеру, нежелание включать поворотники при повороте автомобиля, может считаться не только низкой культурой вождения, но и своеобразным удалством (некоторые удалцы по популярным в республике слухам даже специально блокируют такую функцию в автомобиле, чтобы невольно не воспользоваться ей). В результате некоторые мигранты приезжают на машине в Дагестан из северного города, а затем ставят ее в гараж и не используют для внутренних поездок по республике из опасений попасть в аварию.

Риск и/или неопределенность и миграция

Поведенческая экономика и экономическая психология подчеркивают, что на индивидуальное принятие решений о миграции влияют психологические профили людей [27], и особый интерес представляют понятия неприятия риска и толерантности к риску [1]. Еще одним важным пониманием является

«неприятие неоднозначности» или предпочтение риска неопределенности, особенно в сравнении, а не в отдельных оценках альтернатив [24, с. 585].

Готовность идти на риск различается в разных странах, что связано и с социокультурной спецификой региона отправления мигрантов, и с социально-экономическими и политическими условиями как в отправляющем, так и в принимающем регионе. Например, по данным Э. Хейтмуллера, не склонные к риску мигранты с большей вероятностью решат переехать в страны с более сильными системами социального обеспечения и сниженными рисками, связанными с безработицей [21]. Также Э. Уильямс и В. Балаж утверждают, что отношение к риску, по-видимому, коррелирует между поколениями, что может частично объяснять сохранение различий в неприятиях/терпимости к риску между странами [1].

М. Дуглас, концептуализируя риск с позиции культурной антропологии, считала риск «социальной конструкцией в определенном историческом и культурном контексте», открытой для различных социальных интерпретаций [28, с. 6–7]. неизбежно эти идеальные типы подвергались критике за чрезмерное упрощение сложностей риска и культуры, что приводит к призывам к более многослойному подходу к риску [29, с. 39]. Люди с одинаковым уровнем толерантности к риску могут действовать по-разному в зависимости от толерантности к риску групп, с которыми они себя идентифицируют [8, с. 1]. При этом риск не всегда воспринимается как негативная категория, а порой становится важным дивидендом, а сам выбор рискованной стратегии становится социально желаемым действием.

Если обратиться к материалам рассматриваемого здесь миграционного кейса, то следует, прежде всего, обратить внимание на восприятие риска в социокультурной реальности отправляющего мигрантов общества – Дагестане.

К примеру, исторически набеговая система в горных районах, которая была актуальной для региона до последней четверти XIX в., помимо экономической выгоды предлагала участнику набега возможность в опасном походе проявить свое удалство и добыть славу [30, с. 118]. Впоследствии военная карьера и даже статус абрека-бунтаря были эталонами маскулинного поведения в регионе. В современной жизни таким опасным и почетным путешествием для юноши может стать не только уход в армию, но также вообще любой отъезд из родного села – будь то в столицу республики, в другие города Кавказа, Москву или, как в данном кейсе, на север. Подобные характеристики миграции как смелого поступка, который своей рискованностью может принести дивиденды решившемуся на него молодому мужчине, рассмотрены мной на примере других миграционных кейсов [31]. И в случае северной миграции этот фактор – героизации рискованного поведения – также имеет место.

Д.: *«Я приехал сюда принципиально. Я жил в Ставрополе, работа была прекрасная, не бей лежачего.... Поехал домой (в Дагестан – авт). Туда из Сургута прилетел одноклассник с другом. Разговорились. Один говорит: «Надо тебе туда поехать». А другой говорит: «Такие как ты там не выживут». Я говорю: «Такие как я везде выживают и хорошо живут. Сколько у тебя было денег, когда ты туда приехал?» «На обратный билет не хватало», – говорит он. Я также поехал, взял с собой младшего брата и денег, чтобы на обратный билет не хватало ... Приехал и начал потихоньку жить. Через год у меня станция техобслуживания была»* (Д., м50, Сургут, 2014).

В данной ситуации миграция стала не столько экономической необходимостью, сколько проявлением удалства, и основная ценность поступка – решимость действовать в условиях неопределенности и риска. Подобное восприятие миграции и связанных с ней рисков характерно, разумеется, не только, для Дагестана. Например, М. Беллони, описывая миграцию из Эритреи в Европу, отмечала, что опыт миграции позволяет молодым мужчинами (в меньшей степени молодым женщинам) для того, чтобы стать взрослыми и достичь признанного социального статуса [32].

При этом решение поехать в миграцию как рискованное мероприятие в нарративах женщин мне не встретилось. Как правило, они либо мигрируют, находясь в семейном окружении (как жены, дочери и реже матери мигрантов), либо если миграция одиночная (разведенные женщины), пафос объяснения миграции строится вокруг необходимости стать кормилицей и обеспечивать семью.

В контексте данной социокультурной особенности дагестанского общества готовность рискнуть в миграции хорошо коррелируется с готовностью мигрантов-мужчин к внезапному отъезду из Дагестана на север и особенно с севера в Дагестан. Подобные внезапные переезды мигрантов между двумя полюсами своего транслокального мира нередко сопровождаются рискованно скоростной ездой на автомобиле. В интервью часто подчеркиваются нереально короткие сроки, за которые человек преодолел расстояние почти в 5000 км, а также, по упоминанию информантов, есть негласные соревнования между знакомыми – кто быстрее доехал из Нового Уренгоя до родного селения в Дагестане. Причины этой готовности, по моему взгляду, стоит искать не только в попытках равноценно существовать в двух мирах одновременно: например, не отрываясь от работы на севере, успеть на похороны или свадьбу

близкого родственника, где присутствие мигранта желательно или необходимо. На мой взгляд, это также наглядно демонстрирует желательность рискованного поведения для мужчины, когда он не считается с возможными потерями и не пугается зон неопределенности. Здесь для понимания феномена как нельзя лучше подходит приписываемая имаму Шамилю фраза «Кто думает о последствиях – тот не герой», которую посчитали уместным запечатлеть на баннере у границ мемориального комплекса Гимры в горном Дагестане, посвященного в том числе и прославленному имаму, его организаторы.

Смелость в планировании миграционных треков, превалирующая над тщательностью, также хорошо выражается в той быстроте, если не стремительности, с которой мигранты готовы менять место работы и род занятий, а также принимать решение о возвращении или поствозвратной миграции. Так Д., рассказывая о решении сменить деятельность в Сургуте, рассказывал, что, проснувшись однажды утром, он разослал резюме по фирмам 4 городов – Москвы, С-Петербурга, Махачкалы и Сочи и в итоге сразу же выехал в последний город, потому что отклик на запрос пришел оттуда раньше всех, хотя никого в этом городе у него не было. При этом все 4 города предоставляли ему разный набор условий в контексте вписанности в новое место миграции: в Москве у него было много друзей и односельчан, Махачкала могла считаться вариантом возвратной миграции, а Сочи и Петербург – разными вариантами неопределенности. Та бравада, с которой Д. рассказывал о скорости своего выбора, показывала довольно высокий статус этого варианта решения, определенно подчеркивавший его маскулинность.

Выводы

В ходе рассмотрения кейса транслокальной миграции дагестанцев в города арктической и субарктической зоны Западной Сибири следует сделать несколько выводов относительно выявления тех зон неопределенности и риска, которые могут быть значимы для жизни мигрантов.

Во-первых, расширяется довод, общепринятый в миграционных исследованиях, что неопределенной для мигранта является, в первую очередь, жизнь в принимающем обществе. Описывая данный вариант миграции как транслокальный, я, тем не менее, предлагаю не воспринимать теоретическую линзу, через которую мы смотрим на это явление, как жесткую непроницаемую схему. Ее, как и всякую другую схему, всегда норовит разбить или хотя бы деформировать реальная жизнь. В случае с рассмотренной в статье миграционной ситуацией опыт долгосрочной миграции уменьшает компетенции трансмигрантов относительно социокультурной и экономической жизни отправляющего региона, что повышает уровень неопределенности в их транслокальной жизни. Неопределенность, таким образом, может достигать мигранта не только в месте миграции, но и в отправляющем обществе.

Во-вторых, мигрантские социальные сети, которые обычно призваны снизить уровень неопределенности для мигрантов, распространив знание о новом месте и обеспечив групповым доверием, не всегда справляются с этой задачей. Иногда групповое доверие может входить в противоречие с реальной информацией о принимающем месте, что может опять же порождать зону неопределенности, снижающую компетенции мигранта.

В-третьих, транслокальная жизнь в двух мирах – это всегда вызов для идентичности человека и соотношением его и базовых элементов его жизни, склонных удваиваться. Этот аспект неопределенности был рассмотрен на примере восприятия дома у транслокального мигранта-северянина. При этом неопределенность определения дома может быть как фрустрирующим фактором для идентичности человека, так и облегчить тяжесть долженствования в рамках имеющихся стандартов жизни сообщества.

Помимо выявленных зон неопределенности, которые появляются в ситуации транслокальности, здесь была рассмотрена такая социокультурная специфика дагестанского общества как стремление к риску как выражение маскулинности, что может быть определено как, в целом, поощряемая стратегия удальца. В этой ситуации миграция как рискованное предприятие может восприниматься более желанно, поскольку становится частью формирования образа мужчины.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант РНФ№22-18-00238) ««Земля храбрых»: преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике» (ЕУ СПб).

Acknowledgements. The study was financed by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00238 “The Land of the Brave: Overcoming Uncertainty in Interaction with the Physical and Social Environment in the Russian Arctic” (ЕУ SPb).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Williams, Allan M., and Vladimir Baláž. Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives // *Population, Space and Place*. 2012. 18(2). P. 167–180.
2. Koser K. Why migrant smuggling pays // *International Migration* 2008.46: 3–26
3. Stark O., Bloom D. The new economics of labour migration. *American Economic Review* 1985. 75. P. 173–178.
4. Sjaastad L. The Costs and Returns of Human Migration // *Journal of Political Economy* 1962. P. 80–93.
5. De Genova N. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life // *Annual Review of Anthropology*, 2002. Vol. 31 P. 419–447.
6. Reeves M. Living from the nerves: Deportability, indeterminacy, and the feel of law in migrant Moscow // *Social Analysis*, 2015. P. 119–136.
7. Urinboev R. Migration and transnational informality in post-Soviet societies: Ethnographic study of po rukam (‘handshake’) experiences of Uzbek migrant workers in Moscow // *Migrant Workers in Russia Global challenges of the shadow economy in societal transformation*. Routledge 2017. P. 70–93.
8. Tulloch J., Lupton D. *Risk and Everyday Life*. Sage: London. 2003.
9. Glick Schiller, N., Basch, L., and Blanc-Szanton, C. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions // *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences. 1992.
10. Greiner, C., Sakdapolrak, P. Translocality: Concepts, applications and emerging research 1 perspectives // *Geography Compass*. 2013. 7(5). P. 373–384.
11. Kapustina E. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan’s translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation // *Журнал исследований социальной политики*. 2019, 1. С. 103–118.
12. Капустина Е.Л. «Самый Северный Кавказ»: особенности организации транслокальной жизни мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь // «Жить в двух мирах» переосмысливая транснационализм и транслокальность. Сборник статей; под ред. О. Бредниковой и С. Абашина. М., НЛО. 2021. С. 374–441.
13. Лярская Е.В., Васильева В.В., Карасёва А.И. Уехать и остаться: социальная механика северных миграций // «Дети девяностых» в современной Российской Арктике: сборник статей / отв. ред. Николай Вахтин, Штефан Дудек. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. С. 79–138.
14. Абашин С. Возвращение домой: Семейные и миграционные сценарии в Узбекистане. *Ab Imperio* 2015(3), 125–165. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2015.0064>
15. Boccagni P. What’s in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // *Housing, Theory and Society* 2013. P. 1–17.
16. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-dlya-nomady>.
17. Капустина Е.Л. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // *Кунсткамера*. 2020.2. С. 191–200.
18. Massey, Douglas S., Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, and J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review* 1993. 19(3). P. 431–466.
19. Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // *International Migration Review*. 1989 Fall ;23(3). P. 638–70.

REFERENCES

1. Williams AM., Baláž V. Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives. *Population, Space and Place*. 2012; 18(2): 167–180.
2. Koser K. Why migrant smuggling pays. *International Migration*. 2008; 46: 3–26.
3. Stark O., Bloom D. *The new economics of labour migration*. *American Economic Review*. 1985; 75: 173–178.
4. Sjaastad L. The Costs and Returns of Human Migration. *Journal of Political Economy*. 1962: 80–93.
5. De Genova N. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology*. 2002; 31: 419–447.
6. Reeves M. Living from the nerves: Deportability, indeterminacy, and the feel of law in migrant Moscow. *Social Analysis*. 2015, pp. 119–136.
7. Urinboev R. Migration and transnational informality in post-Soviet societies: Ethnographic study of po rukam (‘handshake’) experiences of Uzbek migrant workers in Moscow. *Migrant Workers in Russia: Global Challenges of the Shadow Economy in Societal Transformation*. Routledge, 2017: 70–93.
8. Tulloch J., Lupton D. *Risk and Everyday Life*. London: Sage, 2003.
9. Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences, 1992.
10. Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*. 2013; 7(5): 373–384.
11. Kapustina E. The boundaries of the djamaat: The particular features of Dagestan’s translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2019; 1: 103–118.
12. Kapustina E.L. “The Northernmost Caucasus”: Features of the organization of translocal life of migrants from Dagestan to Western Siberia. “*Living in Two Worlds*”: *Rethinking Transnationalism and Translocality. Collection of Articles*. Eds. O. Brednikova and S. Abashin. Moscow: NLO, 2021: 374–441. (In Russ)
13. Lyarskaya EV., Vasilyeva VV., Karaseva AI. Leaving and staying: The social mechanics of northern migrations “*Children of the Nineties*” in *Contemporary Russian Arctic: Collection of Articles*. Eds. Nikolai Vakhtin, Stefan Dudek. Saint-Petersburg: EUSPB Press, 2020: 79–138. (In Russ)
14. Abashin S. Returning home: Family and migration scenarios in Kazakhstan. *Ab Imperio*. 2015; 3: 125–165. <https://dx.doi.org/10.1353/imp.2015.0064> (In Russ)
15. Boccagni P. What’s in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration. *Housing, Theory and Society*. 2013: 1–17.
16. Brednikova O., Tkach O. A home for a nomad. *Laboratorium*. 2010; 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-dlya-nomady>
17. Kapustina EL. Food transfers in the life of a migrant: Specifics of migration between Dagestan and cities of Western Siberia. *Kunstkamera*. 2020; 2: 191–200. (In Russ)
18. Massey DS., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. 1993; 19(3): 431–466.
19. Boyd M. Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas. *International Migration Review*. 1989; 23(3): 638–670.
20. Goldring L. Power and Status in Transnational Social Spaces. *Sozialen Welt*. Baden-Baden: Nomos Verlag, 1997.
21. Heitmueller A. Unemployment benefits, risk aversion, and migration incentives. *Journal of Population Economics*. 2005; 18: 93–112.

20. Goldring L. "Power and Status in Transnational Social Spaces." Invited paper for Special Issue of *Sozialen Welt* on Transnational Migration, edited by L. Pries. Baden-Baden : Nomos Verlag. 1997.
21. Heitmüller A. Unemployment benefits, risk aversion, and migration incentives // *Journal of Population Economics* 2005 18: 93–112
22. Williams AM, Baláž V. *International Migration and Knowledge*. Routledge: London 2008
23. Alwang J, Siegel P.B. and Jorgensen S.L. *Vulnerability A View from Different Disciplines* // The World Bank, Social Protection Discussion Paper Series No. 0115: New York 2001. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/636921468765021121/pdf/multiopage.pdf>
24. Fox C.R., Tversky A. Ambiguity aversion and comparative ignorance. *The Quarterly Journal of Economics*. 1995; 110(3): 585–603.
25. Lewis J.D., Weigert A. Trust as a social reality. *Social Forces*. 1985; 63: 967–985.
26. Бредникова О. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 3. С. 32–47.
27. Mehta J. Being economic: Perspectives on risk and rationality. University of Kent, SCARR Working Paper 2007/18: Canterbury 2007.
28. Douglas M., Wildavsky A. 1982. *Risk and Culture. an Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. University of California Press: Berkeley
29. Williams A.M., Baláž V. *International Migration and Knowledge*. Routledge: London 2008.
30. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996.
31. Капустина Е.Л. Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // *Этнографическое обозрение*. 2010, №1. С. 24–32
32. Belloni M. Risk in context: Decision-making in irregular and mixed migration // *Mixed Migration Center*. 02.12.2022. <https://mixedmigration.org/risk-in-context-decision-making-in-irregular-and-mixed-migration/>
22. Williams AM., Baláž V. *International Migration and Knowledge*. London: Routledge, 2008.
23. Alwang J., Siegel P.B., Jorgensen S.L. *Vulnerability: A View from Different Disciplines*. *The World Bank, Social Protection Discussion Paper Series* No. 0115. New York, 2001. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/636921468765021121/pdf/multiopage.pdf>
24. Fox C.R., Tversky A. Ambiguity aversion and comparative ignorance. *The Quarterly Journal of Economics*. 1995; 110(3): 585–603.
25. Lewis J.D., Weigert A. Trust as a social reality. *Social Forces*. 1985; 63: 967–985.
26. Бредникова О. (Non)return: Can migrants become former migrants? *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2017; 3: 32–47. (In Russ)
27. Mehta J. Being Economic: Perspectives on Risk and Rationality. Canterbury: University of Kent, SCARR Working Paper 2007/18, 2007.
28. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press, 1982.
29. Williams A.M., Baláž V. *International Migration and Knowledge*. London: Routledge, 2008.
30. Karpov YuYu. *Dzhigit and Wolf: Male Unions in the Sociocultural Tradition of the Caucasian Highlanders*. Saint-Petersburg: MAE RAN, 1996. (In Russ)
31. Kapustina E. Labor migration: Economic strategy and element of social life (experience of contemporary mountainous Dagestan). *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2010; 1: 24–32. (In Russ)
32. Belloni M. Risk in context: Decision-making in irregular and mixed migration. *Mixed Migration Center*. 02.12.2022. <https://mixedmigration.org/risk-in-context-decision-making-in-irregular-and-mixed-migration/>

Поступила в редакцию 06.12.2024 г.

Принята в печать 25.04.2025 г.

Опубликована 15.06.2025 г.

Received 06.12.2024

Accepted 25.04.2025

Published 15.06.2025